

Египет на краю

Сможет ли когда-нибудь в Египте оказаться у власти демократически избранное гражданское правительство?

Ясмин Эль-Рашиди

Прошло чуть больше года с тех пор, как Хосни Мубарак лишился власти, и в течение всего этого времени будущее нового, демократического Египта оставалось неопределенным. Политический процесс едва не застыл прошлым летом, когда обострилась напряженность между мусульманами и коптами, вспыхнули уличные столкновения, а различные политические группировки, заявившие о себе после отставки Мубарака, все никак не могли прийти к единому мнению о том, каким должен быть новый Египет. Минувшей осенью правящий сейчас в стране военный совет — Высший совет вооруженных сил (*Supreme Council of the Armed Forces, SCAF*) — тоже оказался втянутым в жесткий конфликт с демонстрантами, в ходе которого за неделю погибло более сорока человек. На фоне всего происходящего многие задавались вопросом, сможет ли когда-нибудь в Египте оказаться у власти демократически избранное гражданское правительство.

В конце ноября, когда египтяне наконец пришли на избирательные участки, стало понятно, в каком направлении страна скорее всего будет двигаться дальше. Большинство египтян хотят, чтобы страной управляли

исламисты, которых Мубарак и его союзники всячески подавляли. Уже на первом этапе трехступенчатого избирательного процесса, который начался 28 ноября и завершился 10 января 2012 года, группировки исламистов набрали 69,6 проц. голосов.

В результате первых свободных и справедливых выборов в стране сформировался новый парламент, в котором преобладают исламисты, что ставит под сомнение перспективы создания демократического государства, о котором так мечтали многие из тех, кто принимал участие в революции. Когда 25 января 2011 года протестующая молодежь впервые вышла на площадь Тахрир в Каире, она среди прочего требовала такого государства, которое гарантировало бы социальную справедливость, единство и равные права для всех. Прошлой зимой в течение 18 дней такая модель нового, демократического Египта казалась правдоподобной; она и существовала на площади Тахрир. Копты и мусульмане, женщины и мужчины, молодежь и старики, светские и религиозные люди протестовали и молились вместе, делили друг с другом палатки и еду. Копты охраняли мусульман от возможных нападений бандитов, когда те опускались на колени и молились, а сотни молодых «братьев-мусульман» окружили площадь по периметру, стараясь обеспечить безопасность всех демонстрантов, и проверяли сумки и удостоверения личности, чтобы не допустить на площадь информаторов спецслужб и людей, надеявшихся сорвать демонстрации.

ПЕРЕВОД СТАТЬИ ЯСМИН ЭЛЬ-РАШИДИ (YASMINE EL RASHIDI) "EGYPT ON THE EDGE", ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS (VOL. 59, NO 1, JAN. 12, 2012) © 2012, THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS (DISTRIBUTED BY THE NEW YORK TIMES SYNDICATE). ПУБЛИКУЕТСЯ С НЕБОЛЬШИМИ СОКРАЩЕНИЯМИ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ THE NEW YORK TIMES SYNDICATE И THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS

Когда были оглашены первые результаты выборов, многие задались вопросом: неужели то единство, которое стало символом протестов на площади Тахрир, теперь лишь прекрасное прошлое? Что ожидает Египет под руководством исламистов? И что это означает для либерального меньшинства страны: для коптской христианской общины, умеренных мусульман, принадлежащих к высшим слоям общества, для оставшейся горстки евреев и мусульман среднего класса, которые, несмотря на свою приверженность ритуалам ислама, одновременно хотели бы сохранить и тот космополитичный Египет, в котором они выросли? Опасения некоторых из этих групп связаны с тем, как сложится их жизнь дальше. Не лишат ли женщин права работать? Не станет ли обязательным носить закрытую одежду? Не будут ли разделены общественные места: отдельно для мужчин и отдельно для женщин? (За такие меры выступает салафитская партия «Аль-Нур», которая уже в первом туре получила 18,5 проц. голосов) *. Для коптов, которые составляют около 10 проц. 82-миллионного населения страны и преследования которых после отставки Мубарака 11 февраля 2011-го заметно усилились, остро стоит вопрос, смогут ли они и впредь свободно исповедовать свою веру.

Многие также обеспокоены тем, что если будут приняты законы о запрете купальников и алкоголя, а также о том, чтобы укрыть пирамиды, как предлагают некоторые исламисты в последнее время, это нанесет сокрушительный удар по туризму и экономике в целом. Хотя «Братья-мусульмане» до сих пор заявляли о своей приверженности идее умеренного и демократического общества, многие опасаются, что, когда исла-

* По окончательным результатам выборов в Народное собрание (нижнюю палату египетского парламента) салафитская партия «Аль-Нур» получила 25 проц. голосов. — **Прим. ред.**

мисты придут к власти, их намерения могут измениться.

Вероятность того, что Египет из умеренного и открытого общества превратится во что-то напоминающее Саудовскую Аравию или Иран, представляется невысокой, по крайней мере в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В 508-местной нижней палате избираются 498 членов, а еще 10 членов парламента будут назначены военным советом. Верхняя палата парламента — Консультативный совет — состоит из 270 мест, из которых 180 избираются, а 90 назначаются военным советом, что очевидным образом указывает на сохранение полномочий военных. Как только будут сформированы нижняя и верхняя палаты парламента **, его непосредственной задачей станет избрание комитета для разработки долгожданной новой конституции.

После революции, произошедшей прошлой зимой, тема конституции породила разногласия в обществе, и в течение восьми месяцев продолжалось противостояние между различными политическими группировками. Исламисты, уверенные в своей победе на выборах, требовали, чтобы все полномочия по подготовке проекта конституции были переданы вновь избранному парламента. Либералы, со своей стороны, требовали принятия отдельной предконституционной декларации, которая гарантировала

** Выборы в нижнюю палату египетского парламента завершились 10 января 2012 года. Подавляющее большинство депутатских мест (70 проц.) завоевали исламистские партии — Партия свободы и справедливости, отражающая интересы движения «Братья-мусульмане», и салафитская партия «Аль-Нур». По итогам выборов в верхнюю палату, завершившихся 22 февраля, 106 мест завоевала Партия свободы и справедливости, а партия «Аль-Нур» получила 37 депутатских мандатов. — **Прим. ред.**

бы уважение прав религиозных меньшинств и представляла более широкую концепцию демократического государства. И тот и другой проект (соответствующие предложения представили оба руководителя мусульманского университета Аль-Азхар и заместитель премьер-министра переходного правительства) вызвали возражения различных политических группировок. 7 декабря 2011 года Высший совет вооруженных сил (ВСВС) еще больше осложнил дело, объявив, что будет назначен совет для надзора за разработкой конституции, чтобы ограничить влияние

исламисты получили преимущество, либералы обеспокоены тем, какое идеологическое направление может избрать Египет. По мере нарастания этих опасений многие либералы постепенно отказываются от своей прежней позиции категорического неприятия ВСВС и остатков прежнего режима, так называемых «фелуль» (*felool* — арабское слово, означающее «остатки». — Прим. ред.).

Крупнейшая либеральная коалиция «Аль-Кутля», или «Египетский блок», включает в себя многих бывших членов парламента, которые имели большое влияние при режи-

“Исламисты будут выступать за конституцию, в которой есть положения, открывающие возможности для последующей расширенной интерпретации”.

религиозного экстремизма. Находящиеся сейчас у власти военные правители Египта, похоже, стремятся использовать растущую угрозу исламистского правления как оправдание для дальнейшего вмешательства в дела страны, и центральной политической проблемой в Египте остается вопрос о будущих полномочиях армии, которая имеет большое экономическое влияние и крупные активы.

Так, в соответствии с ныне действующими правилами парламент будет иметь ограниченные полномочия. Военный совет, в настоящее время управляющий страной, по-прежнему будет главным органом власти, которую он использует, в частности, для того, чтобы ограничивать свободу СМИ и без достаточных на то оснований предавать гражданских лиц военному суду. Ожидается, что парламентское большинство попытается оказывать давление на военных, принимая законы, предоставляющие ему неограниченные права в деле формирования нового правительства и подготовки проекта конституции, которая определит будущее страны. Учитывая, что в новом парламенте

ме Мубарака. Сегодня либералы считают, что эти люди предпочтительнее исламистов. Члены «Египетского блока» также выступают за дальнейшее участие ВСВС в делах страны, поскольку это сможет гарантировать неизменность основных положений конституции, а именно что Египет останется современным демократическим государством — военный совет неоднократно подтверждал свою приверженность этому принципу.

Что же произойдет, когда в марте начнет свою работу новый парламент? Скорее всего, продолжатся споры о расширении полномочий парламента, о графике перехода и передачи полномочий от военного к гражданскому правительству и о том, как должен выглядеть новый кабинет министров. В дебатах по поводу конституции многие исламисты, в частности «Братья-мусульмане», вероятно, не будут напрямую требовать, чтобы она основывалась на исламских законах шариата (статья 2 действующей Конституции уже гласит, что государственной религией Египта является ислам, а главным источником законодательства — исламское право), а скорее попы-

таются добиваться своего, прибегая к тонкой игре слов и слогов в арабском языке, которая может иметь двойной смысл. Они будут выступать за конституцию, в которой есть положения, открывающие возможности для последующей расширенной интерпретации. Несомненно, в обсуждении будут участвовать и фанатичные ультраортодоксы-салафиты, которые требуют, чтобы новая конституция открыто и недвусмысленно утверждала, что Египет — исламское государство (некоторые салафиты действительно уже выступают за это), но им вряд ли удастся сформировать решающее большинство.

Переходный парламент будет исполнять свои обязанности, возможно, всего лишь один год, в то время как прежний египетский парламент избирался на пять лет. Две крупнейшие политические фракции в так называемой нижней палате — «Братья-мусульмане» (представленные своим политическим крылом — Партией свободы и справедливости (ПСС) и салафитская партия «Аль-Нур» — хорошо понимают, что в течение этого срока их избиратели будут ожидать от них выполнения обещаний. Неудачи ВСВС и разных временных кабинетов были вызваны в том числе тем, как они реагировали на требования революционеров; в конце концов это привело к крупномасштабным протестам с призывами к отставке действующего правительства. Египтяне будут ожидать от нового парламента немедленных и ощутимых результатов, и это давление испытают на себе и либеральные депутаты.

За спиной у «Братьев-мусульман» десятилетия организационного и административного опыта. Помимо того что они располагают обширной общенациональной сетью организаций, они помогают нуждающимся: продают мясо по оптовым ценам, субсидируют покупку школьных принадлежностей, оказывают помощь в получении медицинских услуг, бесплатно раздают свежие продукты, сахар,

растительное масло и др. Подобная деятельность позволила им завоевать широкую популярность. Кроме того, «Братья-мусульмане» уже давно играют ведущую и весьма полезную роль в различных профессиональных объединениях и профсоюзах страны. Например, исторически сложилось так, что «Братья-мусульмане» доминируют в профессиональных организациях врачей, юристов, инженеров и возглавляют их. В объединении журналистов, по словам репортеров, которые входят в его состав, некоторые члены правления, связанные с «Братьями-мусульманами», предоставляют членам объединения лучшие и наиболее востребованные на сегодняшний день услуги, например, медицинскую страховку.

Именно сильные позиции «Братьев-мусульман» в самых разных сферах жизни — и в муниципальном социальном обеспечении, и в предпринимательстве — укрепляют в людях надежду, что они станут позитивной силой в Египте. Как сказал Эссам Эль-Эриан, заместитель главы Партии свободы и справедливости, который в течение долгого времени был пресс-секретарем движения «Братья-мусульмане»: «Мы готовы к демократии, и этот парламент будет работать так, чтобы переустроить страну на пользу всем египтянам». Подобным образом высказался и Генеральный секретарь ПСС Мохаммед Эль-Бельтаги, заверивший, что парламент и, в частности, его партия будут работать как «представители народа»: «Мы должны уважать друг друга и защищать права всех египтян — государства в целом и его граждан».

ПСС, по-видимому, понимает, что у нее практически нет иного выбора, кроме как действовать умеренно и стратегически. Проблемы образования, экономика, рост инфляции достигли критической степени остроты, и решать их нужно немедленно. Как в ходе предвыборной кампании, так и на прошедших за последнее время пресс-конференциях

руководители «Братьев-мусульман» выступали с умеренных позиций. Они заручились поддержкой многих либералов и светских специалистов. На первом предвыборном митинге ПСС в рабочем районе Булак в числе приглашенных ораторов был один из лидеров либеральной коалиции «Египетский блок». Среди членов ПСС есть женщины и копты. Многие из сотен женщин, входящих в организацию «Братья-мусульмане», которых мне довелось встречать на устраиваемых этой организацией мероприятиях, работают, причем некоторые — полный рабочий день. В ближайшие годы их партийным лидерам нет смысла резко менять свою политику.

Предстоящий парламентский срок дает исламистским фракциям возможность увеличить число своих сторонников в обществе и развеять опасения по поводу власти исламистов. ПСС, несомненно, воспользуется полученным ею относительным большинством голосов, чтобы показать, что она не угрожает правам других людей. Но среди депутатов от салафитской партии «Аль-Нур», вероятно, может возникнуть раскол: многие члены парламента от салафитов представляют себе новый Египет выстроенным по образцу Саудовской Аравии.

В течение этого года законы, регламентирующие манеру одеваться или связанные с вероисповеданием и отправлением религиозных обрядов, вероятно, останутся неизменными. Преобразования, скорее всего, будут проводиться исподволь. По мере изменения социально-культурного ландшафта страны ортодоксальные мусульмане постепенно получают большую свободу действий. В годы правления Мубарака салафиты, с их густыми бородами и длинными одеяниями, находились под пристальным наблюдением, а многие из них — фактически под домашним арестом. Спустя месяцы после падения режима Мубарака число бородатых мужчин и женщин в закрытых одеждах — особенно в цен-

тре Каира — заметно увеличилось. Мужчины, в частности, говорили, что при Мубараке они подвергались преследованиям за свои бороды и вынуждены были стричь их или вовсе не отпускать. Другие же рассказывали, что просто оставались в своих исламистских провинциях или пригородах, где информаторы спецслужб держали их под надзором. Теперь же вполне возможно, что либеральные мусульмане и копты будут чувствовать себя все более неуютно.

Когда я пришла на выборы утром 28 ноября, в очереди, где мы простояли шесть часов, дожидаясь, пока сможем опустить в урны свои бюллетени, люди обсуждали наше будущее в случае, если у власти окажутся исламисты. Многие женщины, в том числе моя мать, ее сестры и подруги, вспоминали истории из прошлого: как они ездили на общественном транспорте в коротких юбках или в блузках с открытым вырезом. «Старые добрые времена» — так они называли это недавнее прошлое. Но женщины, подобные моей матери и другим, стоявшим тогда в очереди в богатом округе Каира Замалек, понимают также, что в стране, где 40 проц. населения живет на 2 доллара в день, они составляют меньшинство. Для многих (хотя, конечно, не для всех) столь бедных людей самое главное — чувство социальной защищенности и основные гарантии выживания. На избирательных участках в бедных районах Каира, таких как Имбаба, Шубра и Айн-Шамс, люди рассуждали о том, что хотят «стабильности и сильной экономики» и что, «в конце концов, все в руках Всевышнего». Во время избирательной кампании либералы говорили о светском государстве, тогда как исламисты, обращаясь к народным массам, в основном вели речь о ценах на продукты питания. Теперь от исламистов будут ждать, что они исполнят свои обещания и улучшат условия жизни.

Некоторые результаты выборов не стали неожиданностью. Давно известно, что «Бра-

тия-мусульмане» — крупнейшее и наиболее организованное движение в стране, с разветвленной сетью организаций и растущей поддержкой населения. «Братья-мусульмане» стали считаться самой большой угрозой для режима Мубарака, поскольку предлагали египтянам то, с чем его правительство не справлялось, а именно увеличение объема социальных услуг. Свергнутый лидер часто предупреждал, что, если он лишится власти, «Братья-мусульмане» сразу заявят о себе.

Даже на парламентских выборах 2005 года члены этой организации (поскольку она

ясняется просчетами «Братьев-мусульман», которые, в отличие от большинства других политических групп, в том числе и салафитов, зачастую не появлялись на пятничных протестах и демонстрациях. Так, они проигнорировали «День Гнева» 27 мая 2011-го, или «Вторую революцию», что разозлило миллионы людей, принимавших в ней участие. За прошедшие месяцы руководители «Братьев-мусульман» то и дело меняли свою позицию по ряду вопросов, в том числе относительно статуса коптов и создания исламского государства как конечной цели, и заработали

“Во время избирательной кампании либералы говорили о светском государстве, тогда как исламисты в основном вели речь о ценах на продукты питания”.

была запрещена, они были вынуждены баллотироваться в качестве независимых кандидатов) завоевали 88 мест, выступая оппонентами правящей Национально-демократической партии (НДП), которая получила 311 мест. И это при том, что результаты были в значительной мере подтасованы в пользу НДП. Удивительно не то, что в ноябре 2011 года при явке избирателей в 52 проц. «Братья-мусульмане» уже в первом туре набрали 47,6 проц. голосов, а на следующих этапах выборов получили еще больше. Настоящей неожиданностью явилось то, что ультраортодоксальные исламисты-салафиты — новички в электоральной политике — в том же первом туре получили 18,5 процента. (Для сравнения: партия умеренных исламистов «Аль-Васат» получила 2,4 проц., все либеральные партии и коалиции, вместе взятые, получили всего 20,5 проц., националистическая либеральная партия «Аль-Вафд» набрала 7,1 проц., а «Египетский блок» — 10,7 процента).

Успех салафитов, представленных в основном партией «Аль-Нур», которая была сформирована после революции, отчасти объ-

репутацию людей, которые «никогда не говорят всей правды». В разговорах с избирателями в бедных районах 28–29 ноября мне часто приходилось слышать, что «Братьям-мусульманам» нельзя полностью доверять, они не держат своего слова. А салафиты — чистые люди».

Возможно, самую большую ошибку «Братья-мусульмане» совершили 18 ноября 2011 года. Тогда — в ответ на их же призыв — десятки тысяч египтян снова вышли на площадь Тахрир в знак протеста против проекта правительственного документа, который, помимо всего прочего, передавал правящему ВСВС контроль над разработкой новой конституции. Демонстрация прошла мирно, и когда стемнело, представители братства собрались и уехали, довольные тем, что продемонстрировали свою силу.

Однако ранним утром спецназ штурмовал площадь, силой очищая ее от оставшихся протестующих, в основном активистов и членов революционных коалиций. В последующие дни столкновения между полицией и протестующими обострились, были

задействованы различные государственные силовые структуры; они использовали жесткие методы, что после революции случалось редко. В токсичных дозах применялся слезоточивый газ, так что многие отравились; были даже смертельные случаи. Участвовавшие в операции бойцы силовых подразделений, похоже, специально целились в глаза протестующим. За один день пятеро молодых людей ослепли на один глаз, а один — Ахмед Харара — совсем потерял зрение (один глаз у него перестал видеть еще после январских событий 2011-го).

Тахрир гибнут люди. А лидеры «Братьев-мусульман», со своей стороны, настаивали, что выборы должны состояться в ближайшее время: они знали, что их популярность намного опережает другие партии и коалиции. Они ждали этого часа 80 лет и не хотели его упускать.

В ночь на 24 ноября члены движения «Братья-мусульмане» вновь появились на площади, на этот раз чтобы освободить ее и прилегающую улицу Мохамеда Махмуда от еще оставшихся здесь протестантов. «Они делали все возможное, чтобы вернуть людей по

“Либеральные партии так и не смогли получить серьезную поддержку низших слоев египетского общества — ни в бедных городских районах, ни в сельских”.

Египтяне были возмущены уровнем насилия (погибло 42 человека) и отказом ВСВС взять на себя ответственность за произошедшее, отозвать государственные силы безопасности и принести извинения. Многие либеральные партии приостановили свои кампании, а некоторые потребовали отложить выборы. Под градом нападок временный кабинет министров ушел в отставку, и кандидат в президенты Мохаммед Эль-Барадеи предложил, что он откажется от своих президентских амбиций и вместо этого временно станет премьер-министром, чтобы справиться с кризисом. Главному имаму университета Аль-Азхар — высшему исламскому авторитету в стране — удалось добиться перемирия на улицах, и избирательная кампания продолжилась.

Все это время «Братьев-мусульман» не было видно, они вели себя осторожно, не поддерживая ни ту ни другую сторону. В телевизионных программах и ток-шоу кандидаты от либералов изо всех сил убеждали сограждан, что аморально продолжать избирательную кампанию в то время, когда на площади

домам, — рассказывал мне один знакомый. — Они старались понять, что ты за человек, и говорили с тобой так, чтобы непременно убедить. Они были готовы на все, лишь бы добиться, чтобы люди в ту ночь ушли с площади».

Широко распространено мнение, что лидеры «Братьев-мусульман» заключили сделку с ВСВС: они очистят основное место проведения демонстраций и успокоят демонстрантов, а военный совет в ответ на это проведет выборы в срок. Многие возлагали вину на «Братьев-мусульман» за то, что столкновения продолжались так долго и погибло столько людей. 25 ноября на площади Тахрир исламский ученый и политолог Ибрагим Эль Худайби сказал нам: «Если бы в минувшие выходные “Братья-мусульмане” вышли и поддержали людей своим авторитетом, ситуация была бы совершенно иной». Даже исламисты, а также некоторые проповедники и женщины в закрытых одеяниях говорили, что разочарованы в «Братях-мусульманах», и выражали надежду, что на предстоящих выборах те не одержат победу.

Тем не менее либеральные партии так и не смогли получить серьезную поддержку низших слоев египетского общества — ни в бедных городских районах, ни в сельских. Им так и не удалось проникнуть в сложившиеся за десятилетия неформальные сети, в которых на протяжении долгого времени важнейшую роль играли семейные и племенные связи, религиозная принадлежность, а также лица и организации, связанные с прежним режимом. И даже если бы это им удалось, все равно самую сильную либеральную коалицию, «Египетский блок», возглавляла Партия свободных египтян, основанная телекоммуникационным магнатом Наджибом Савирисом, популярность которого резко упала в июне 2011-го. Причиной стало то, что он разместил в Твиттере карикатуру, изображающую Микки и Минни Маус в мусульманском одеянии и мусульманских головных уборах, Микки — с густой бородой, а Минни — в никабе; карикатуру сопровождала надпись: «Микки и Минни после...»

В ответ исламисты развязали против него широкомасштабную кампанию, призывая бойкотировать его бизнес. Всего за несколько недель 304 тысячи абонентов отказались от услуг его провайдера *Mobilni* и перешли к местным конкурентам, так что в третьем квартале 2011 года убытки компании Савириса составили 96 процентов. Даже некоторые либеральные египтяне сочли, что Савирис зашел слишком далеко: «Мы в значительной степени мусульманская страна, Савирис должен помнить об этом и относиться к этому с уважением». После появления твита с карикатурой один копт поместил на Фейсбуке сообщение со словами «революция совершалась во имя единства, а не ради таких нападок».

На фоне всего этого партия салафитов «Аль-Нур» проповедует пуританскую форму ислама и хочет, чтобы государство строилось на исламских принципах с такими же религиозными ограничениями, как в Саудовской

Аравии, видя в этом путь к решению социальных и экономических проблем страны. Салафиты сразу же стали следовать примеру «Братьев-мусульман», предоставляя беднякам товары и услуги бесплатно или по сниженным ценам, а в рамках избирательной кампании уделяя особое внимание ценам на продукты питания и стоимости жизни. Трудно сказать, вредит ли салафитской партии или, наоборот, делает ее более привлекательной тот факт, что на ее предвыборных плакатах вместо фотографий женщин-кандидаток были изображены розы и напечатаны лишь их имена. Во время политического митинга салафитов на площади в Александрии статуя русалки была укрыта тканью. Но они обращаются к египтянам, которые говорят на языке улицы и, кроме всего прочего, верят, что в конечном счете будущее Египта находится «в руках Аллаха».

После обнародования результатов первого этапа выборов либералы обсуждали, как им следует перегруппироваться в оставшиеся недели, чтобы подготовиться к предстоящим турам голосования. Многие либеральные мусульмане и копты говорили о том, что может ждать их в будущем, рассматривая в том числе и отъезд из страны. Что касается исламистских партий, то они не хотят объединяться. ПСС твердо заявила, что не пойдет на союз с салафитами, которые, со своей стороны, тоже сказали, что их не устраивает перспектива оказаться в тени «Братьев-мусульман». (Перед выборами эти две группы договорились о взаимоприемлемых правилах поведения во время выборов, но не заключили политический союз.)

В начальный период своего существования первый свободно избранный парламент Египта, вполне вероятно, будет раздроблен и станет отражением того политического ландшафта, который предшествовал его появлению. В период наибольшего напряжения «Братья-мусульмане», скорее всего, возьмут

на себя роль посредника, а возможно, и союзника либеральной коалиции в парламенте. Военные, в свою очередь, несомненно, будут оказывать значительное влияние на ситуацию в стране либо открыто — через соответствующее положение в конституции, либо путем тактических соглашений с теми или

иными фракциями в парламенте. «Братья-мусульмане», дожидавшиеся своего часа с 1928 года, могут подождать еще несколько лет, прежде чем предпримут попытку осуществить решительные, а то и кардинальные изменения в социальной и культурной жизни Египта. ■